

В. И. ЛЫТКИН (Москва)

ШЕСТЬСОТ ЛЕТ КОМИ ПИСЬМЕННОСТИ

О письменности достефановского времени

Шестьсот лет тому назад пермяне (так называли предков современных коми-зырян и коми-пермяков) занимали обширное пространство северо-востока Европы — бассейн рек Вычегды с притоками, Лузы (притока р. Юга), Летки и Кобры (притоков р. Вятки), Вашки и верхнего течения Мезени, а также бассейн среднего и верхнего течения Камы с многочисленными притоками.

Отдаленные предки пермян — прапермяне — длительное время находились в соприкосновении с различными иранскими народами, имевшими древнюю культуру, и заимствовали из их языков многие десятки слов. Возникает вопрос: не заимствовали ли они от южных соседей и письменность? У нас имеются следующие данные о письменности тысячелетней давности.

Арабский писатель Ибн-Фадлан, посетивший Волжскую Булгарию в 922 г. н. э., передает рассказ болгарского царя о великане, прибывшем в Булгарию с севера; болгарский царь наводил письменную справку об этом великане у народа *вису*, под которым он, наверно, подразумевал не только вепсов (древнерус. *вьсь*), проникших в то время частично также в бассейн Северной Двины, но и другие народы, жившие на этой территории (карелы, коми, саамы, ненцы и т. д.). В труде Ибн-Фадлана рассказ болгарского царя передается в таких словах: «я ... написал к людям Вису», жившим от Булгарии в трех месяцах пути, «и они написали мне» и т. д. Эти данные говорят о том, что в X в. у народов Севера было в употреблении такое письмо, при помощи которого они могли вести сношение с соседями. Трудно сказать, что представляло собой это письмо: было ли идеографическим или, может быть, уже буквенным, заимствованным у южных соседей (иранских народов) или у западных народов (русских, скандинавов).

Представляет интерес также коми слово *небӧг*, заимствованное из иранских языков (ср. пехлевийское *nirēk* 'письмо, письмена'). Это слово в современных пермских языках не употребляется в прежнем значении, но в памятниках письменности встречается с XV—XVI вв. вплоть до XIX в. В книге Григория Синаита (XV в.) мы читаем: *нэб(о)гий вно ви́зишос* 'почтитель книги'¹; в словарях XVIII—XIX вв. встречается это слово в виде *небег*, *небаг* 'книга, лист бумаги, закон, указ'.² Ю. Вихманн в 1901—1902 гг. это слово (*ñebeg*) зафиксировал в удорском диалекте коми языка в узкоспециальном значении 'кусочек бересты со знаками собственности *нас* (употребляется в лесу, например на куче убитой птицы, как знак владельца)', *ñebega* 'снабженный знаком собственности (например, на охотничьих принадлежностях, ружье, копы)'. В современном нижневычегодском диалекте коми языка *небӧг* 'книжка (часть желудка жвачного животного)'.

¹ См. А. С. Сидоров, Новые памятники древнекоми письменности. — Вопросы финно-угорского языкознания, Москва—Ленинград 1962, стр. 181.

² Об этом слове см. подробно В. И. Лыткин, *Syrjäänin ñebeg-sanap alkuperästä*. — *Vig.* 1963, стр. 58—60; а также В. И. Лыткин, Историческая грамматика коми языка I, Сыктывкар 1957, стр. 38.

Рассматриваемое слово, имевшее раньше широкое распространение как в коми-зырянских, так и коми-пермяцких диалектах (в удмуртском языке оно не сохранилось), в XIII—XVI вв. перешло в мансийский и хантыйский языки в виде *нэпэк*, *нэпак*, *нэпих* 'книга, бумага, письмо', а оттуда — в ненецкий язык. У последних оно и поныне употребляется в значении 'книга'.

Трудно определить, что обозначало в пермских языках *неббг* при заимствовании его из иранских языков; можно лишь сказать, что в период существования древнекоми письменности (XIV—XVII вв.) вплоть до заимствования рус. *книга* оно имело значение 'книга, письмо, бумага (или другой какой-нибудь материал) с письменами' — в этом значении оно перешло в обско-угорские языки.

Мы не знаем, что представляло собой *неббг* до появления древнепермской (стефановской) письменности — называли ли этим словом всякие письмена (и пиктограмму и идеограмму) или же это были уже книги с элементами буквенного письма. Судить об этом периоде письма очень трудно, поскольку в нашем распоряжении нет никаких памятников письменности того времени.³

Возникновение подлинно буквенного письма у коми народов (у коми-зырян и коми-пермяков) связано с деятельностью Стефана Пермского.

Возникновение буквенного письма

Буквенное или алфавитное письмо у коми появилось во второй половине XIV в. Создателем его был миссионер Стефан Храп (умер в 1396 г.), в связи с его деятельностью среди пермян названный впоследствии Пермским.

Стефан родился в семье дьячка в Устюге, представлявшем тогда один из крупных торговых городов Севера. Он с детства, вероятно, знал коми язык, поскольку в то время коми жили недалеко от Устюга (отдельные поселения с коми населением простирались до самого устья Вычегды). 1365—1379 гг. Стефан в качестве инока провел в Ростовском монастыре — большом культурном центре того времени, где имелась богатейшая библиотека на церковно-славянском, греческом и других языках. По словам его современника Епифания Премудрого, написавшего житие Стефана вскоре после смерти его, Стефан в монастыре усердно занимался чтением литературы, серьезно готовился к миссионерской деятельности среди коми. Здесь он изучил также греческий язык.

В 1372 г. Стефан составил древнепермскую азбуку в «24 буквы, по числу букв греческой азбуки и по речи пермского языка» — как нам повествует Епифаний.⁴ Начертания древнепермских букв свидетельствуют о том, что Стефан составил свою азбуку по образцу греческих и славянорусских букв с учетом графической стороны тех знаков, которые употребляли древние пермяне в *неббгах*.

Готовясь к работе по обращению пермян в христианство, Стефан еще во время пребывания в Ростовском монастыре перевел на древнекоми язык некоторые молитвы и песнопения. В 1379 г. он отправился в Коми край. Свою миссионерскую деятельность Стефан сосредоточил в центре Малой Перми — в Усть-Выми. Здесь он проповедовал среди коми христианскую веру, крестил их, разрушал языческие кумиры, строил церкви и т. д. Количество верующих постепенно росло.

Стефан продолжал создавать церковную литературу на древнепермском (древнекоми) языке, организовал богослужение на родном языке пермян, учил их пермской грамоте, готовил духовенство из пермян и т. д. Епифаний сообщает: «Пение он перепевал им, перелагал на пермский язык и научил их переписывать пермские книги, которые он переводил на пермский язык. С этого времени они учили друг

³ Г. Стипа, например, предполагает, что у коми существовала буквенная письменность и до Стефана, возникшая под влиянием народов Востока. Стефан составил свою азбуку, ориентируясь на эту письменность. См. G. J. Stipa, *Der Ursprung der permischen Schrift*. — CIFU, стр. 281—287.

⁴ На иконе св. Стефана, находящейся в церкви Спас-на-Бору, в Московском Кремле, дата составления азбуки — 1372 г., в некоторых списках азбуки дана другая дата — 1375 г.

друга грамоте, с книг переписывали книги, которые умножались и пополнялись.... Всех же крещеных своих грамоте пермской учил И попы его дермским языком служили обедню, заутреню и вечерню, пермской речью пели, ... и чтецы чтение читали пермским языком».

Составление азбуки и создание литературы на родном языке пермян некоторым современникам Стефана не нравилось; о них Епифаний пишет: «Неции же, скуднии суще умом, реша: почто ли сотворени суть книги пермския? или что ради составлена бысть азбука пермския грамоты? ... мала ради времени, ... за 120 лет до окончания веку».⁵

Количество христиан росло. В связи с этим Стефан в 1383 г. отправился в Москву просить назначения в Пермь епископа. Великий князь Дмитрий Донской и московский митрополит поставили пермским епископом самого Стефана. В 1384 г. он прибыл в свою епископию, в Усть-Вымь, и продолжал миссионерскую деятельность с прежним усердием: писал книги, воздвигал церкви в разных местах своей епархии, украшал их иконами, пополнял книгами, устраивал монастыри, готовил служителей церкви из пермян, которые, по словам Епифания, на родном языке служили обедню, утреню и вечерню, чтецы читали по пермским книгам, а певцы возглашали в всякое пение по-пермски.

По делам епископии Стефан ездил в 1386 г. в Великий Новгород, а в 1390 и 1396 гг. — в Москву. Во время последней поездки в Москву он скончался.

Малая (вычегодская) Пермь до Стефана считалась волостью Новгорода. Присоединение этой территории к Московскому государству связано с деятельностью Стефана: она незаметно стала составной частью Московского государства. Пермь Великая, находившаяся в бассейне Камы, была присоединена к Москве в 1472 г. Население Перми Великой было обращено в христианство при одном из преемников Стефана, Ионе (1456—1470), который крестил князя камских коми Михаила и основал Богоявленский монастырь в г. Чердыни. Таким образом коми письменность, созданная Стефаном, распространилась по всему Коми краю.

В 1492 г. пермская епархия увеличилась с присоединением вологодских церквей. С этого времени пермские епископы все чаще жили в Вологде, а после 1571 г., когда к этой епархии были присоединены также двинские церкви, епископская кафедра навсегда осталась в Вологде, коми территории превратились в глубокую провинцию епархии, языком пермян перестали интересоваться.

Преемники Стефана, жившие еще в Усть-Выми (не говоря уже о переехавших в Вологду), не знавшие пермского языка и грамоты, не могли да и не стремились готовить среднее и низшее духовенство из пермян. Вследствие этого богослужение в пермской епархии постепенно перешло на церковно-славянский язык. Родной язык в богослужении дольше держался в монастырях. Так, в Афанасьевском монастыре (с. Вотча), основанном около 1390 г. Стефаном для монахов, проповедовавших христианство у сясьольских коми, и упраздненном около середины XVII в., монахи пели многие стихи церковной службы на родном языке вплоть до упразднения обители.

Сохранившиеся памятники (см. ниже) говорят о том, что стефановская письменность бытовала в XIV—XVII вв., при этом пермская азбука в XV столетии не только была широко известна пермским писцам, но и пользовалась некоторой популярностью среди московских писцов, которые употребляли ее в тайнописи.⁶

Памятники древнепермской письменности

От письменности, созданной Стефаном и его преемниками, дошло до нас очень немного. Сохранились памятники двух видов: а) написанные стефановской азбукой и б) написанные на древнепермском языке, но русской азбукой. Оба вида одина-

⁵ Через 120 лет, т. е. в 7000 году (по тогдашнему летоисчислению), ожидали светопредставление.

⁶ См. В. И. Лыткин, Древнепермский язык, Москва 1952, стр. 75—87.

ково ценны для истории коми языков, поскольку в них отражаются черты языка XIV—XV вв.

Памятники первого вида представлены следующими:

1. Списки древнепермских азбук; в нашем распоряжении имеется больше десяти.⁷

2. Приписка Кылдасева на 181 стр. рукописной книги Новоканона 1510 года, хранящегося в рукописном отделе Исторического музея; приписка содержит 12 слов, которые в переводе на русский язык означают: «Господи Иисусе Христе, сыне божий, помилуй меня грешного человека Васюка. Аминь. Кылдасев».

3. Надпись на иконе Троицы в 144 слова, икона хранится в Вологодском музее.

4. Надпись на иконе Сошествия св. духа в 58 слов.⁸ Эта и предыдущая иконы, написанные (по преданию) самим Стефаном, в свое время хранились в церкви с. Вожем Ленского района Архангельской области. Икона Сошествия ныне утрачена, снимки надписи хорошо сохранились.

5. Две записи в рукописной книге XV в. «Григория Синаита сочинения» в 21 слово, хранящейся в Библиотеке Академии наук СССР (Ленинград). Первая запись имеет следующее содержание: «Этой книги почитатель ушел (?) на прилук Неблэй, ды-як Гаврил, на спасение (?) своей души, при игумене Михаиле».

6. Подпись древнепермскими буквами епископа Пермского Филофея под грамотой 1474 г. Грамота находится в рукописном отделе Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина.

Вышеперечисленные памятники древнего коми языка, написанные стефановской азбукой, составляют в общей сложности 236 слов связного текста. Это — скудные остатки древней письменности коми. Из литературы мы знаем, что еще в XIX в. имелись древнепермские надписи, но они не дошли до нас, например, надпись на иконе Богоматери, хранившейся в церкви с. Бондюга Чердынского уезда Пермской губернии; надпись на иконе, хранившейся в Казанской учительской семинарии; текст в 5 слов, имевшийся в распоряжении преподавателя Вологодской духовной семинарии Н. И. Суворова; «Судебник зырянский», найденный в церкви с. Усть-Вымь⁹ (нам неизвестно, какими буквами он был написан: стефановскими или русскими) и т. д.

Древнепермская азбука употреблялась в качестве тайнописи; писцы и справщики в рукописных книгах делали заметки и примечания по-русски, но стефановскими буквами. Употребление древнепермской азбуки русскими писцами относится главным образом к XV—XVI вв.

Из древнепермских памятников второго вида самым ценным следует считать «Службу божию пермским слогом. Обедню», сохранившуюся в трех списках и представляющую собой памятник, переведенный во второй половине XVII в. с древнепермской графики на русскую. Язык этого памятника, самого большого из сохранившихся (около 600 слов связного текста), ничем не отличается от языка рассмотренных выше памятников. Не исключена возможность, что перевод сделан самим Стефаном.

Сохранившиеся памятники древнепермской письменности, содержащие в общей сложности свыше 836 слов связного текста, свидетельствуют о том, что язык литературы XIV—XVII вв. имел единую систему графики и орфографии, а также единые языковые нормы, в основе которых лежал усть-вымско-нижневычегодский диалект того времени. Для стефановской графики было характерно то, что звуки передавались на письме по фонологическому принципу: каждой фонеме соответствовала особая графема.

Факт формирования единых норм древнепермского литературного языка сам по себе свидетельствует о том, что на древнекоми языке имелась значительная литература, давшая возможность образованию единых норм языка, так как таковые нормы

⁷ См. В. И. Лыткин, Древнепермский язык, стр. 9—19.

⁸ О памятниках письменности см. подробно В. И. Лыткин, Историческая грамматика коми языка, стр. 41—52, а также А. С. Сидоров, Новые памятники древнекоми письменности, стр. 178—211.

⁹ См. Вологодские губернские ведомости, 1850, № 22, стр. 242.

вырабатываются в течение длительного времени и на большом фактическом материале. Нужно полагать, что Стефаном и его преемниками было создано большое количество церковной литературы на древнекоми языке и эта литература получила распространение на всей обширной территории коми-зырянского и коми-пермяцкого края, занимавшей весь северо-восток Европы.

Древнекоми письменность просуществовала три столетия (XIV—XVII вв.). Причиной забвения ее является и то, что язык этой письменности стал малопонятным коми населению XVIII в., так как к этому времени в языке коми народов произошли большие изменения.

На смену древнекоми письменности в XVIII в. пришла литература, с одной стороны, на коми-зырянском языке, а с другой, на коми-пермяцком. Из памятников письменности XVIII в. сохранились рукописи «Божественной службы» на зырянском языке (около 1000 слов связного текста, в четырех списках, хранящихся в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина) и «Разговорник» (в двух списках), содержащий около 200 зырянских слов и 100 коротеньких выражений с переводом на русский язык. Эти памятники, несомненно, в отношении языка имеют преемственность с древнепермскими памятниками.¹⁰

Из памятников XVIII в. на коми-пермяцком языке следует упомянуть рукописный «Пермский словарь с российским переводом» Антония Попова (1785 г.), содержащий около 2500 слов на л-овом диалекте и хранящийся в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина.

В XIX в. вышло значительное количество литературы на разных диалектах коми-зырянского языка, при этом каждая диалектная разновидность претендовала на литературный язык (ср. труды П. Савваитова, Г. С. Лыткина, И. А. Куратова, переводы Шергина, язык и орфография которых значительно отличались друг от друга). В языке этой литературы ощутима преемственная связь с языком предшествующей эпохи. Эта преемственность наблюдается не только в языковых нормах, но и в графике и орфографии, носящих, как правило, единообразный характер. Так, в течение XIX и XX вв. шел спор о фонологическом и нефонологическом принципах графики. Фонологический принцип нашел себе сторонников в лице П. Савваитова, Г. С. Лыткина, Н. Рогова, В. А. Молодцова, а нефонологический принцип, опирающийся на систему русского письма, применялся Шергиным, Цембером, применяется в современных коми-зырянском и коми-пермяцком литературных языках. Преемственность наблюдается также в лексике — особенно в лексике литературы XIX в. (ср. стефановские неологизмы *mezös* 'спаситель', *быдкутьсь* 'вседержитель' и другие, употребляемые в письменности XVIII—XIX вв.).

После Великой Октябрьской социалистической революции окончательно оформился единый коми-зырянский литературный язык и на этом языке развилась довольно богатая литература, представленная двумя десятками оригинальных романов, многими десятками повестей и рассказов, сотней поэм и пьес; издаются газеты и журналы, функционируют театры, идут передачи радио и телевидения на родном языке, ведется преподавание родного языка и литературы в школе, работают филологи по изучению родного языка и литературы и т. д. В настоящее время небывало быстрыми темпами развивается литература на родном языке. О темпах ее развития говорят следующие данные: теперь за один месяц выпускается литературы на коми-зырянском языке столько, сколько вышло из печати за весь XIX век.

¹⁰ «Разговорник» впервые был опубликован: И. Лепехин, Дневные записки, т. 3, Санкт-Петербург 1780.